

Глава 19 Американский институционализм

□ *Дихотомии Т. Веблена* У *Статистический институционализм У.К. Митчелла*

□ *Правовой институционализм Дж.Р. Коммонса*

□ *Обновленный институционализм Дж. К. Гэлбрейта*

Вышедший из маржиналистской революции экономике, видоизменив модель homo economicus в модель гедониста-оптимизатора, решительно повернулся к оправданию status-quo частнособственной конкурентной системы. С другой стороны, марксисты и социалисты других направлений продолжали свои атаки (не только теоретические) на капитализм и «буржуазную апологетику». «Средняя» линия, прочерченная германской исторической школой, нашла своеобразное продолжение в «зигзаге» американской экономической мысли самого конца XIX - первой трети XX в. — институционализме.

Институционализм никогда не имел организационного центра, и разнородность этого течения дает повод ставить под сомнение само его существование как научной школы. Тем не менее сложилась устойчивая традиция рассматривать трех американских экономистов -Т. Веблена, У.К. Митчелла и Дж.Р. Коммонса — как главных представителей направления. Само понятие «институционализм» впервые употребил в 1918 г. американский экономист **Уолтон Гамильтон**, определивший категорию «институт» как «вербальный символ, который описывает пучок социальных обычаев. Он означает способ мышления или действия, с достаточной распространенностью и прочностью запечатленный в привычках групп или обычаях народа. В обычной речи это другое слово для «процедуры», «общего согласия» или «договоренности»; на книжном языке нравы, народные обычаи, равно как денежная экономика, классическое образование, фундаментализм и демократия являются "институтами"»². Новое направление обнаружило сходство с исторической школой как в общих устремлениях, так и в более конкретной тематике исследований, хотя программная статья Т. Веблена *«Почему экономика не является эволюционной наукой»* (1898), от которой принято вести отсчет институцио-

1 См.: Жамс Э. История экономической мысли XX века. С. 91; Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. С. 616—617.

2 Цит. по: Seckler D. Thorstein Veblen and the Institutionalists. London; 1975.

P. 87. 312

нализма, критиковала эмпиризм Г. Шмоллера и его последователей. Две традиции сблизил нацеленность на: 1) замещение узкой утилитаристской модели homo economicus более широкой интерпретацией, основанной на междисциплинарном подходе (социальная философия, антропология, психология), и 2) поворот экономической теории к социальным проблемам с целью использовать ее как инструмент реформ.

Т. Веблен подвизался почти одновременно с третьим поколением исторической школы, а его ученик У.К. Митчелл был почти сверстником самого молодого из «юной» исторической школы — А. Шпит-гофа. Ориентация на эволюционно-биологический подход и акцент на роли насилия в капиталистическом предпринимательстве сблизил Веблена с Зомбартом, а изучение цикличности экономических процессов — Митчелла со Шпитгофом. Пристальное внимание к «рабочему вопросу», политико-правовым аспектам социальных движений, экономическому реформизму, столь характерные для школы Г. Шмоллера, были не менее характерны и для Дж.Р. Коммонса.

Наконец, отличительной чертой экономистов-институционалистов, особенно Т. Веблена, стало повышенное внимание к воздействию технологии на общество и к роли научно-технических специалистов. Эта черта обусловила глубокое «вторжение» в социологию, что также позволяет провести параллель с исторической школой (в ее третьем поколении — В. Зомбарт и особенно М. Вебер).

1. Дихотомии Т. Веблена

«Очень странный человек»³ Торстейн Веблен (1857—1929) вошел в историю как «первый систематический критик американского капитализма». Веблен жил в «позолоченный век», когда Соединенные Штаты утверждали себя на позициях первой промышленной державы мира и удачливые капитаны промышленности, становившиеся во главе крупных корпораций — «ловкие, энергичные, агрессивные, алчные, властные, ненасытные», — действовали дерзко и цинично в бизнесе и политике, «эксплуатируя рабочих и обирая фермеров, подкупая конгрессменов, покупая легислатуру, шпионя за конкурентами, нанимая вооруженную охрану, прибегая к угрозам, интригам и силе»⁵.

3 Heilbroner R. The Great Economists. London, 1955. P. 175. ⁴ Do'de D.F. U.S. Capitalist Development since 1776: Of, By and For Which People. New York, London, 1993. P. 100.

Философией «позолоченного века» стал *социал-дарвинизм*, сомкнувшийся с экономическим индивидуализмом *a la laissez faire*. Оправдание стремительной концентрации и централизации капитала, резкого роста имущественного неравенства и плачевной участи неудачников рынка было найдено в этой философии, глашатай которой Г. Спенсер (1820— 1903) — приятель «стального короля» Э. Карнеги — стал почитаем в США как ни один философ ни до, ни после него. Основатель американской университетской социологии У. Самнер строил свой курс вокруг тезиса о миллионерах как цвете цивилизации, основанной на конкуренции. Социал-дарвинисты вещали, что ожесточенная конкурентная борьба в промышленности, вытеснение аутсайдеров крупными корпорациями (трестами) — идеальное зеркало «естественного порядка вещей»; цивилизация таким путем движется вверх, подобно биологической эволюции. Выживают наиболее приспособленные; отбор наилучших происходит тогда, когда естественные экономические процессы идут своим чередом, без вмешательства реформаторов и правительства.

Сын норвежского фермера-иммигранта, Т. Веблен с юности ощущал свою отчужденность от суетного мира янки, и этот так называемый *дисформизм* (противоположность конформизму) определил его судьбу в науке и в жизни. Познав участь бедного студента в престижном Йельском университете, а затем безработного доктора философии и литературного поденщика, он наконец устроился на скромную должность в Чикагском университете, созданном в 1892 г. на деньги богатейшего предпринимателя США Дж.Д. Рокфеллера, наемные юристы которого создали легальную основу для функционирования крупных корпораций (холдинг-компани). Так Веблен оказался внутри стремительно расширявшейся орбиты власти Большого бизнеса, начавшего субсидировать американские университеты и определять господствовавшие в них образы мышления.

Веблен бросил этому миру — равно как и академическому маржи-нализму Дж.Б. Кларка, своего бывшего преподавателя, — вызов своей книгой *«Теория праздного класса. Экономическое изучение институтов»* (1899), в которой «изучал манеры и психологию американских богачей так, как какой-нибудь антрополог исследовал бы обряды и ритуалы примитивного племени в Новой Гвинее». Провозгласив необходимость применения к экономике подхода, аналогичного не механической статике (равновесие), а биологической динамике (эволюция), Веблен придал социал-дарвинизму иную тональность; нежели идеологи экономического индивидуализма. Эволюция общества

⁶ Гэлбрейт Дж.К. Жизнь в наше время. М., 1986. С. 43.

является процессом *естественного отбора институтов*, которые, по сути дела, есть привычные образы мыслей в том, что касается отношений между обществом и личностью. Институты — результаты процессов, происходивших в прошлом, а следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени, но под нажимом обстоятельств, складывающихся в жизни сообщества, происходит изменение образов мышления людей, т.е. развитие институтов, и переменны в самой человеческой природе.

Предметом особого внимания Веблена стал институт праздного класса. Его возникновение и развитие Веблен связывал с «избирательным воздействием законов хищничества и паразитизма» и обычаями частной собственности, эволюцию которой описывал следующим образом. Собственность первоначально возникла как трофей, знак победы над менее сильным соседом. Мотивы, лежащие в ее основе, — соперничество, завистливое сравнение, демонстративное преуспевание как основа уважения и жажда власти, даруемой богатством. «Здравой оценкой людей и вещей становится оценка в расчете на борьбу». Развивается противопоставление доблестной, захватнически-приобретательской деятельности и труда, приобретающего характер нудного занятия в силу пренебрежительного к нему отношения. По мере того как стадия приобретения путем хищнического захвата переходит в стадию организации производства на основе частной собственности (рабов), превосходство в силе и трофеи как показатель успеха заменяются «канонами денежной почтенности» и критериями накопления собственности и «опыта праздной жизни». Эти последние складываются во «всеохватывающий порядок благопристойности» со старательными упражнениями по развитию хороших манер, воспитанию вкусов и умению «разбираться в том, какие предметы потребления отвечают приличию». «Показное потребление» (*conspicuous consumption*) дорогостоящих престижных товаров и пристрастие к «демонстративно расточительным зрелищам» становятся в праздном классе формами соперничества, мотивируемого завистливым сравнением, и завоевания репутации.

Описанный Вебленом *«состязательный аспект потребления»**, показывающий, как товары «мо-

гут эффективно использоваться в косвенных завистнических целях» и поэтому содержать в себе осязаемый элемент «престижной дороговизны» (стоимости сверх стоимости затрат, делающих их пригодными для функционального использования), выявлял ограниченность маршаллианской теории полезности.

⁷ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 200-202.

⁸ Там же. С. 174.

⁹. Только им и ограничивается признание Веблена в области экономике.

315

Переходя к рассмотрению экономических институтов современного ему общества, Веблен в общей форме разделил их на финансовые и производственные. Отношение праздного класса к экономическому процессу является «денежным отношением - отношением стяжательства, а не производства». Доступ в праздный класс осуществляется через занятия в финансовой сфере, которые в гораздо большей степени, чем производственные, наделяют человека почетом. Наиболее почетны занятия, имеющие непосредственное отношение к собственности в крупном масштабе, и вслед за ними — банковское дело и право. В профессии адвоката, по мнению Веблена, «нет и намека на полезность в какой-либо другой области, кроме соперничества»; юрист «занимается исключительно частными моментами хищнического мошенничества, либо в устройстве махинаций, либо в расстройстве махинаций других»¹⁰.

Институт праздного класса, по мнению Веблена, задерживает развитие общества в силу трех основных причин: инерции, свойственной самому классу; примером демонстративного расточительства; системой неравного распределения благосостояния и средств к существованию.

Противопоставление праздности и производительной деятельности Веблен в своей второй книге *«Теория делового предприятия»* (1904) развернул в дихотомию *индустрии и бизнеса*. Сначала он подробно остановился на культуротворческом значении крупного машинного производства. Машинная технология требует для управления ею технических знаний и рационального мышления; эта рациональность приходит в противоречие с иррациональностью, вносимой в экономический процесс бизнесменами в их погоне за прибылью путем купли-продажи на фондовом рынке бумажных титулов собственности. «Капитаны промышленности», ориентируясь на захват как можно большей части индустриальной системы, не заинтересованы в ее рациональном функционировании, поскольку извлекают доходы из сбоев процесса общественного производства. Подчинение индустрии целям возрастания денежного богатства деформирует индустриаль-

⁹ В статье «Эффект повального увлечения, эффект сноба и эффект Веблена в теории потребительского спроса» (1950) американского экономиста Харви Лайбенштейна, который систематизировал факты, противоречащие неоклассической трактовке функции индивидуальной полезности.

¹⁰ Веблен Т. Указ. соч. С. 233.

316

ва. Веблен назвал «саботажем» политику крупных корпораций, преднамеренно сокращающих производство ради удержания монопольных цен, и указал, что конкуренция за счет снижения издержек замещается «неценовой конкуренцией» — ценоувеличивающей рекламой, упаковкой и другими формами «умения продавать» (salesmanship); усилиями получить специальные привилегии на всех уровнях правительства — получить правительственные заказы, влиять на налоги и расходы, трудовую и внешнюю политику.

Как две ведущие тенденции американского капитализма Вебленом были выделены монополизация и наращивание сил экономической депрессии. Он предсказывал увеличение непродуктивного потребления благ в связи с манипулированием покупательскими вкусами населения и ростом производства вооружений, прикрываемого лозунгами национальной политики. Временной отрезок между выходами двух первых книг Веблена был годами публикации Зомбартом работы «Современный капитализм» и возникновения в США движения «разгребателей грязи» - шумных журналистских расследований и разоблачений мошенничества и насильственных действий крупных корпораций, особенно рокфеллеровской «Стандарт ойл». Идеологи *laissez faire* в XIX в. — Кобден и Спенсер — утверждали, что эволюция общества идет от «военного» типа с централизацией, иерархией, регламентацией и «единообразием, поддерживаемым путем принуждения» к мирному «промышленному типу», который характеризуется «во всех своих частях той же самой индивидуальной свободой, которую предполагает всякая коммерческая сделка»¹². Однако монополистический капитализм принес с собой новую волну агрессии и милитаризма. Веблен, который сначала писал о переходе от хищнической стадии к квазимиролюбивой (система рабства и статуса) и далее к миролюбивой промышленной (с наемным трудом и денежной оплатой), в статье *«Первые опыты в организации трестов»* (1904) подчеркнул укорененность архаических черт захватнической

«доблестной деятельности» в жизненных привычках «капитанов промышленности» и назвал корпорации рабовладельцев и пиратов предшественниками капиталистических монополий. Умилявшие Зомбар-та агрессивные проявления «завоевательной» энергии создателей американских трестов у Веблена вызвали лишь порицание. Его сопоставления промышленных и финансовых магнатов с хищными баро-

¹¹ Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. III. М., 1979. С 73-74.

¹² Спенсер Г. Основания социологии. Ч. 2. СПб., 1877. С. 613—624.

317

нами старых времен внесли вклад в закрепление за бизнесменами «позолоченного века» репутации «баронов-разбойников».

Следующая крупная работа Веблена *«Инстинкт мастерства и состояние промышленных умений»* (1914) представляла попытку, опираясь на новые идеи в физиологии («тролизмы» Ж. Леба) и психологии («горме» У. Мак-Дугалла), сконструировать альтернативу утилитаристской модели «гедониста-оптимизатора». Эволюция «поиска эффективных жизненных средств» и производственных навыков происходит в «кумулятивной последовательности приспособления» под воздействием присущих человеку «инстинктов», под которыми Веблен понимал не стихийные, а целенаправленные факторы поведения, формирующиеся в определенном культурном контексте. Наиболее благотворны из них: 1) родительское чувство, 2) инстинкт мастерства и 3) праздное любопытство. Родительское чувство в широком смысле слова - забота об общем благе; мастерство, промышленное искусство — средство реализации родительского инстинкта, забота об эффективном использовании наличных ресурсов; а праздное любопытство поставляет знания, служащие жизненным целям. Добродетельный союз этих трех инстинктов создает промышленное поведение, достигающее высшей эволюционной стадии в машинном производстве, прозаичная механическая логика которого гармонирует с применением современной науки и кладет основы для роста и утверждения новой рационально ориентированной культуры. Напротив, когда верх берут эгоистические и приобретательские инстинкты, возникают «дурацкие способы поведения» и «бесполезные институты», своей иррациональностью противоречащие рациональности промышленной технологии. *«Инстинкту мастерства»* Веблен противопоставлял *«инстинкт спортсменства»* — стереотипы воинственного поведения в истории.

Методологическую полемику с ортодоксальными экономистами, прежде всего Дж.Б. Кларком, Веблен продолжил в статьях, составивших книгу *«Место науки в современной цивилизации»* (1919). Он порицал идущую от бентамовской «арифметики пользы» гедонистическую концепцию человека как «атома желаний» и «калькулятора удовольствий и страданий», вибрирующего под воздействием стимулов, которые передвигают его в пространстве, но оставляют нетронутым. Предполагая «изолированную человеческую данность в устойчивом равновесии», вне «прошлого и последующего», неоклассическая доктрина исследовала статическое состояние, сконцентрировав внимание на рыночной цене, тогда как подлинная экономическая наука, по мнению Веблена, должна заниматься «генетическим исследова-

318

нием образа жизни»; ее предметом является «изучение поведения человека в его отношении к материальным средствам существования, и такая наука по необходимости есть исследование живой истории материальной цивилизации»¹³.

Десять лет, разделяющие «Теорию делового предприятия» и «Инстинкт мастерства», были годами триумфального шествия по Америке идей «научного управления производством» (scientific management), связанного с именами Ф. Тейлора, супругов Джилбрет и других «инженеров эффективности». Веблен стал выделять инженеров-менеджеров из числа тех, кто непосредственно организует процесс машинного производства, и рассматривать их как социальную объективацию мастерства, научной рациональности и эффективности. Он сблизился с Генри Л. Ганттом (1861 — 1919) — пионером календарного планирования деятельности предприятий, автором системы графиков оперативного управления («графики Гантта») и новой, более ориентированной на интересы рабочих системы заработной платы. Вслед за Ганттом Веблен стал пропагандировать идею политической организации инженеров для будущего реформирования общества в целом на основе критериев научно-промышленной рациональности.

В 1918 г. Веблен стал главным редактором журнала «Циферблат» в Нью-Йорке, а в 1919 г. — одним из организаторов Новой школы социальных исследований. В цикле статей, составивших книгу *«Инженеры и система цен»* (1921), он развивал концепцию «саботажа» и выражал надежду, что новое поколение инженеров откажется от роли послушных «лейтенантов бизнеса» и, пригрозив «всеобщей стачкой» предпринимателям, передаст власть «Генеральному штабу инженеров и

техников», который выведет общество на «третий путь» между «плутократией капитализма и диктатурой пролетариата»¹⁴, к рациональной промышленной системе, избавленной от искажающего вмешательства корпоративных финансов. Веблен заканчивал свою книгу меморандумом «Практический совет техников».

Утопия перехода власти к инженерно-технической элите в 1930-е годы получила название «технократической» (впоследствии гамма значений слова «технократия» заметно расширилась), благодаря ей Веблен занял видное место в истории социологии, но инженеры и экономисты сочли ее нелепостью.

¹³ Veblen T. The Place of Science in Modern Civilization. New York, 1919. P. 241.

¹⁴ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. С. 56.

319

В своей последней книге *«Абсентеистская собственность»* (1923) Веблен подчеркнул процесс расширения собственности на неосязаемые финансовые титулы богатства, отделенной от реального участия в производстве материальных благ. Критицизм Веблена в отношении «мира бизнеса» выразился в анализе «absentee ownership» в наиболее желчных излияниях. Но на преобразование экономического строя общества в более рациональный Веблен смотрел без оптимизма, констатируя, что американский «средний класс» стремится подражать образу жизни «праздного класса».

«Персона нон грата» в среде теоретиков-экономистов, Веблен оставил в наследство институционалистам «дух несогласия». Его идеи остаются привлекательными для сторонников нетрадиционных подходов к экономической теории¹⁵.

2. Статистический институционализм У.К. Митчелла

Ученик Т. Веблена **Уэсли Клэр Митчелл** (1874-1948) учился в Чикагском университете, стажировался в Венском (лекции К. Менгера не произвели впечатления), а с 1913 г. до конца жизни работал в Нью-Йорке, в Колумбийском университете.

Митчелл считал правильной критику Вебленом модели рационального гедониста и продолжил ее в ряде своих статей. Он подчеркивал ошибочность принятия классической школой жесткой поведенческой модели человека, преследующего свой рационально просчитанный интерес («блаженный калькулятор» Бентама), и писал, что «человек, который изучает забастовки и локауты, переменчивую фортуна деловых комбинаций, современные методы преодоления «потребительской инерции», или бумы и депрессии, не подтверждает впечатлений об экономической рациональности, выраженной в теоретических трактатах». Митчелл ссылаясь и на «переоткрытие человеческой иррациональности» психологами. Он поставил своей задачей сделать следующий за Вебленом шаг в движении от «нормальной» модели к действительности — подтвердить отличие реального поведения в экономике от гедонического нормотипа посредством статистического анализа. «Действительный» экономический субъект был для Митчелла «среднестатистическим» человеком в его отношении к денежным институтам.

320

Вебленовская «дихотомия индустрии и бизнеса» нашла продолжение в анализе Митчеллом разрыва между динамикой промышленного производства и динамикой цен. За механизмом цен Митчелл стремился увидеть не механические законы спроса и предложения, а противоречивые мотивы действий людей, занятых добыванием и расходованием денег. «...Самое важное, что надо понять в деньгах, это — механизм денежного хозяйства, то есть общественную роль высокоорганизованной группы денежных институтов и то, как они развивались со времен средневековья, стали квазинеzáвисимыми и оказывали обратное влияние на деятельность и умы их создателей».

Митчелл предпочел введенному Зомбартом понятию «экономическая конъюнктура» понятие «деловой цикл». С 1920 г. Митчелл возглавил Национальное бюро экономических исследований, использовавшее сбор и обработку статистических данных для прогнозирования экономических колебаний. Результатом деятельности Митчелла в этом бюро стало дополненное переиздание книги *«Деловые циклы»* (1927), признанное образцовым исследованием. Высокую репутацию Митчелла не поколебала даже его неудача в прогнозировании экономической конъюнктуры в 1929 г., когда он не смог предсказать «великий крах» американского «процветания». В годы «Нового курса» Митчелл, уже в 20-е годы выдвигавший идеи государственного вмешательства - банковской реформы, использования государственных расходов в качестве балансира, создания системы страхования от безработицы, - активно участвовал в правительственных мероприятиях по восстановлению экономики. В эти годы он также подготовил к изданию репрезентативный сборник работ своего учителя «Чему учил Веблен» (1936) и опубликовал сборник собственных статей *«Отсталость в искусстве тратить деньги»* (1937). Митчелл стремился показать, что искусство «делания денег» в

современной цивилизации значительно опередило умение их рационально расходовать. Особенно нерациональна трата денег в семейных бюджетах, где характер расходов часто определяется желанием перещеголять других, изощренные способы траты денег являются одним из важнейших путей самоутверждения в обществе, завоевания престижа.

Описывая иррациональные институты денежной экономики, Митчелл все же считал ее лучшей из экономических систем. Это убеждение отличало его взгляды от сардонического критицизма Т. Веблена и, напротив, сближало с реформистской «доброжелательностью» третьего из основателей традиции американского институционализма - **Джона Ричарда Коммонса** (1862—1945).

15 Hodgson G.M. Thorstein Veblen and post-Darwinian economics // Quarterly Economic Journal. 1992. No. 16.

16 Цит. по: Селигмен Б. Указ. соч. С. 92.

321

3. Правовой институционализм Дж.Р. Коммонса

Коммонс был первым, кто написал специальную книгу *«Институциональная экономическая теория»* (1934). Но она вышла, когда автору было уже за 70, а его стаж профессиональной и общественной деятельности перевалил за 40 лет. Коммонс окончил духовный колледж (1888) и продолжил образование в престижном университете Джонса Гопкинса, где стал любимым учеником Ричарда Эли (1858-1943), пытавшегося в свое время создать американское ответвление исторической школы в политэкономии. В начале 1900-х Коммонс работал в Национальной гражданской федерации - организации, целью которой было улаживание конфликтов между рабочими и работодателями. В это время в основном сложились его взгляды на урегулирование отношений между трудом и капиталом: 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы для увеличения покупательной способности масс, благотворность концентрации промышленности для эффективности экономики. В 1904 г. хлопотами Р. Эли Коммонс был принят на работу в Висконсинский университет, где вместе с учениками составил «висконсинскую школу» истории и теории американского рабочего движения, обосновавшую реформистскую программу «политического коллективного договора» - достижения компромисса между предпринимателями и рабочими, организованными в профсоюзы, при арбитражной функции правительства и Верховного суда. Почти 30 лет Коммонс активно участвовал в политической жизни Висконсина, был советником двух губернаторов штата и гордился проведенными мерами в области рабочего законодательства. Богатый практический опыт лег в основу разработанной Коммонсом системы идей, отразившей и его личные качества: уравновешенность, способность вызывать доверие у людей разного социального статуса и мировоззрения: от миллионеров до социалистов.

Уже в своей первой книге *«Распределение богатства»* (1893) Коммонс выразил несогласие с маржиналистской индивидуалистической трактовкой распределения общественного дохода и игнорирования исторической изменчивости отношений собственности и прав личности, включающих право на возможно более высокую долю в национальном продукте. Коммонс констатировал рост монополистических элементов в рыночной экономике и оправдывал существование профсоюзов, добивающихся повышения заработной платы выше некоторого минимума и необходимых для защиты рабочих от давления

322

со стороны крупного капитала. Но в то же время Коммонс полагал, что влияние крупных корпораций может быть благотворным в той мере, в какой они способны смягчать остроту депрессии и наращивать масштабы производства. Поэтому на первый план он выдвинул поиск инструментов компромисса между организованным трудом и крупным капиталом, примирения экономических противоречий через коллективные действия, определив в итоге институциональную экономику как *«Экономику коллективных действий»* (название последней работы Коммонса, опубликованной посмертно в 1951 г.).

Коллективные действия в качестве институтов направляют и контролируют поведение людей. Будучи неразрывно связаны с отношениями собственности, коллективные действия в экономике предполагают определенные правовые рамки и находят свое выражение через суды. Эволюционный характер экономической науки, по мнению Коммонса, требовал изучения судебных решений за несколько столетий эры капитализма, чтобы иметь ясное представление о том, каким образом коллективные действия ограничивали индивидуальные. Следующей задачей Коммонс считал изучение истории экономических учений для определения того, каким образом в экономическую теорию входили представления о коллективных действиях. Выполнению этих задач Коммонс посвятил книги *«Правовые основания капитализма»* (1924) и *«Институциональная экономическая теория»* (1934). По образному выражению Б. Селигмена, Коммонс «дистиллировал свою теоретиче-

скую систему в сложных аппаратах многих сотен судебных решений и десятков типов экономической теории»¹⁷.

Ранее этих главных своих трудов Коммонс опубликовал книги *«Промышленная добродетельность»* (1919) и *«Промышленное управление»* (1923), где развивал идею социального соглашения рабочих и предпринимателей посредством «взаимных уступок». С одной стороны, Коммонс противопоставлял свои взгляды марксистской доктрине классовой борьбы и социалистическим идеям. Он признавал факт обнищания пролетариата лишь для ранней стадии капитализма и критиковал Маркса за недооценку возможностей тред-юнионов и социальных реформ для улучшения положения рабочего класса. Новый этап промышленного развития, связанный с ростом крупных корпораций, привел, по словам Коммонса, к «диффузии капитализма в гуще широких масс народа»¹⁸. С другой стороны, Коммонс призывал капиталистов наладить «добрые отношения» с рабочими, перестать третировать профсоюзы как дьявольские происки и признать

¹⁷ Там же. С. 89.

¹⁸ Commons J.R. *Industrial Government*. New York, 1923. P. 272.

323

за тред-юнионизмом статус законного и неотъемлемого компонента структуры зрелого промышленного общества¹⁹. Видное место в этой структуре Коммонс отводил избирательной системе и государственной власти. Он призывал голосовать за тех политических деятелей, которые признают экономические требования тред-юнионов, а государственную исполнительную и судебную власть считал высшей инстанцией в классово-экономическом арбитраже.

Коммонс упрекал классиков и маржиналистов за ошибочную рационалистическую психологию и недостаточность анализа юридических форм. Он пришел к пониманию институтов как исторически сложившихся и освященных юридическим авторитетом обычаев, уходящих корнями в коллективную психологию. Сформировавшись, действующие коллективные институты направляют поведение индивидов. Центральное место среди действующих коллективных институтов Коммонс отводил корпорациям, профсоюзам и политическим партиям. Они выступают как «группы давления».

Наряду с коллективными действиями другой важнейшей категорией институциональной теории Коммонса стало понятие сделки (транзакции). Коммонс выделил три основных типа сделок и три главных этапа каждой сделки. По типу Коммонс разделил сделки на торговые, управленческие и рационализирующие. Управленческие сделки выражают отношения между руководителями и подчиненными; к рационализирующим сделкам относятся налогообложение, бюджет, регулирование цен, решения правлений корпораций. Большинство сделок — торговые. Каждая сделка включает в себя переговоры, принятие обязательства и его выполнение. В ходе переговоров встречающиеся стороны сначала противопоставляют свои позиции и затем ищут соглашения. Транзакционный процесс служит определению «разумной ценности», возникающей из согласия о выполнении в будущем условий контракта. Контракт — это «гарантия ожиданий», без которой не может быть ценности.

В теоретических построениях Коммонса много общего с дихотомиями Веблена, но там, где пессимист Веблен с сарказмом подмечал нелепости и непримиримые конфликты, благодушный Коммонс находил постепенное возникновение «разумных обычаев и разумных стоимостей, под влиянием которых меняются сами институты». Проводя различие между действующими предприятиями, цель которых — повышение технической эффективности производства, и действующими фирмами, занятыми только денежными сделками, Коммонс считал возможным уравнивание интересов индустрии и бизне-

¹⁹ Commons J.R. *Institutional Economics*. New York, 1934. P. 634.

324

са: «Самое лучшее производственное предприятие — это такое, где технические факторы используются наиболее пропорционально благодаря усилиям менеджеров. Самая лучшая фирма — та, где правильно соразмеряются покупки и продажи путем рыночных сделок. Самый лучший действующий коллективный институт — тот, где в правильном соотношении находятся техника и бизнес»²⁰.

Коммонс подробно остановился на процессе возникновения долгосрочного кредита и включения инвестора-банкира в процесс промышленного производства. Банкирский капитализм связан с отделением юридического контроля над товарами от физического и погоней за титулами собственности. Банкиры организуют эмиссию и размещение акций; корпорации нанимают юристов, оказывают давление на законодательные органы и осуществляют широкие программы отношений с общественностью (public relations). Влиятельные экономические группы становятся более влиятель-

ными, чем Конгресс. «Именно ассоциации, а не индивидуализм стали прибежищем современного либерализма и демократии в спасении от коммунизма, фашизма или банковского капитализма». Оптимизм Коммонса проявился и в его уверенности, что разумная ценность достижима коллективными действиями капиталистов и рабочих. В «деловом» тред-юнионизме, при котором рабочие коллективно отстаивают свои права собственников в практических вопросах заработной платы и продолжительности рабочего дня, в заключении коллективных договоров он видел важнейший путь к поддержанию общественного равновесия. Эту уверенность Коммонс выразил в своей автобиографии²¹, вышедшей за год до принятия Акта о трудовых отношениях — одного из важнейших мероприятий руз-вельтовского Нового курса, закрепившего за рабочими право заключения коллективных договоров.

Годы Нового курса вообще поначалу стали временем институционалистов. Покойный Веблен предстал своего рода пророком (характерно, что сборник его работ, изданный Митчеллом в 1936 г., имел название «Чему учил Веблен»); Митчелл стал одним из организаторов Комитета национальных ресурсов США, предполагая превратить его в центральный орган государственного регулирования экономики; Коммонс увидел в реформах администрации Ф.Д. Рузвельта воплощение своих идеалов, а близкие к институционалистам А. Берль (1895—1971) и Р. Тагвелл (1891 — 1979) вошли в «мозговой трест» президента Ф.Д. Рузвельта.

20 Commons J.R. Economics of Collective Actions. New York, 1950. P. 33. 21 Commons J.R. Myself. New York, 1934. P. 87.

325

Адольф Берль со своим коллегой по Колумбийскому университету **Гардинером Минзом** (1896—1982) прославился книгой *«Современная корпорация и частная собственность»* (1932). Проанализировав обширный статистический материал, Берль и Минз подробно обосновали вывод, намеченный в последней книге Веблена — об отделении собственности от контроля в крупных акционерных компаниях. Большинство собственников превратилось в пассивных инвесторов, а реальное управление предприятиями перешло в руки менеджеров, которые могут осуществлять контроль над корпорациями в своих интересах.

«Концентрация экономической мощи, отделенной от собственности, — писали Берль и Минз, — фактически создала экономические империи и передала эти империи в руки новой формы абсолютизма». Берль и Тагвелл готовили тексты речей Ф.Д. Рузвельта, в которых проводилась идея, что перед лицом господства концентрированной власти корпоративных менеджеров государство «должно стремительно выйти на первый план и защитить общественные интересы».

Однако к концу 1930-х годов, после «кейнсианской революции», институционалисты были отодвинуты в тень. Но заложенная ими традиция не угасла, и в 50-60-е годы уроженец Канады **Джон Кеннет Гэлбрейт** (р. в 1908 г.), сформировавшийся как экономист в годы Нового курса, становится новой яркой фигурой институционализма.

4. Обновленный институционализм Дж.К. Гэлбрейта

В своей первой монографии *«Американский капитализм. Теория уравнивающей силы»* (1952) Гэлбрейт констатировал, что в условиях олигополии «самодвижущая сила конкуренции является химерой»; реальность состоит в уравнивании сил монополий-продавцов и монополий-покупателей; рост уравнивающих сил повышает способность экономики к саморегулированию, но в целом ряде случаев они не действуют; тогда на помощь приходит вмешательство государства, также выступающего одной из уравнивающих сил. Профсоюзы как монополии по продаже рабочей силы Гэлбрейт назвал третьей главной уравнивающей силой наряду с большим бизнесом и правительством. Гэлбрейт выступил против антитрестовского законодательства, которое считал имеющим смысл только

²² Berle A.A., Means G.C. The Modern Corporation and Private Property. New York, 1934. С 124.

326

для случая чистой монополии; олигополии же он расценил как благо с точки зрения роста уравнивающей силы и технического прогресса.

«Уравнивающая сила» действует, однако, только в высоко-монополизированных отраслях промышленности и торговли; в то время как, например, в агробизнесе, где многочисленным фермерам противостоят организованные в национальном масштабе монополии — продавцы сельскохозяйственных машин и монополии — покупатели сельскохозяйственного сырья, «уравнивающую силу» создать не удалось, так как не увенчалась успехом организация фермеров в сбытовую кооперацию.

Большой успех выпал на долю книги Гэлбрейта *«Общество изобилия»* (1958), в которой цен-

тральное место было уделено проблеме *социального баланса* между производством товаров для частного потребления и недостаточными затратами на общественные услуги. Подчеркнув изобилие товарной массы на американских рынках, Гэлбрейт указал на отсталость сфер коммунального строительства, общественного транспорта, образования и медицинского обслуживания. Он выступил за увеличение государственных инвестиций в городское благоустройство, жилищное строительство и особенно в образование. Гэлбрейт выступил против абсолютизации роста ВВП как показателя достижений экономики, первым среди экономистов указав на то, что производство следует оценивать и с точки зрения его влияния на окружающую среду.

В 60—70-е годы Гэлбрейт становится общепризнанным идеологом либерального реформаторства и обосновывает концепцию *трансформации капитализма* в книгах «*Новое индустриальное общество*» (1967) и «*Экономика и общественная цель*» (1973).

Главную отличительную черту *нового индустриального общества* Гэлбрейт определил как господство технотрутуры корпораций. *Технотрутура* — это совокупность большого числа ученых, инженеров и техников, специалистов по реализации, рекламе и торговым операциям, экспертов в области отношений с общественностью, лоббистов, адвокатов и людей, хорошо знакомых с особенностями правительственного бюрократического аппарата, а также посредников, администраторов. Технотрутура монополизировала знания, требуемые для принятия решений, и оградила процесс принятия решений от владельцев капитала; превратила правительство в свой «исполнительный комитет».

Ее основной положительной целью является рост фирмы. «Власть технотрутуры подчиняет себе механизм формирования цен; фир-

327

мы-гиганты занимают важнейшее место на рынках сбыта производимых ими товаров, и цена, устанавливаемая в каждой отрасли, обычно стремится к такому уровню, который отражает интересы технотрутуры, в наибольшей степени стремящейся к обеспечению роста»²³.

Гэлбрейт выделил (на примере США) в экономике нового индустриального общества две системы — планирующую и рыночную. Первая — это тысяча корпораций, производящих около половины всех товаров и услуг негосударственного сектора. Отдельные единицы рыночной системы — это мелкие строительные и промышленные фирмы, фермерские хозяйства, гаражи, станции обслуживания, ремонтные мастерские, прачечные, рестораны, предприятия розничной торговли и т.д.

Гэлбрейт сформулировал «презумпцию неравенства» между двумя подсистемами: в темпах развития, прибылях. «Планирующая система» эксплуатирует рыночную, перекадывая на нее весомую часть своих издержек. Крупные фирмы привязывают к себе мелких поставщиков, выступая как монополии. Большинство нововведений требует специализированных знаний, организации и финансовой поддержки. Основная часть затрат на НИОКР осуществляется крупными фирмами; поскольку технический прогресс становится спланированным, он также переходит на службу к технотрутуре. Планирующая система, обеспечив себе престиж в качестве источника товаров и услуг, приобретает влияние и как источник политических решений. Технотрутура сильно заинтересована во внешних рынках, и многонациональные корпорации позволяют приспособиться к специфическим неопределенностям международной торговли. Империализм в третьем мире представляет собой продолжение отношений между планирующей и рыночной системами в развитой стране.

Дополнительным источником власти для планирующей системы является организованная рабочая сила. Уступки профсоюзам в вопросах заработной платы и в ряде других и покрытие издержек за счет цены делают до некоторой степени возможным определенное психологическое отождествление наемного рабочего с технотрутурой. Положительные цели технотрутуры созвучны целям профсоюзов: высокие темпы роста означают постоянную занятость, возможность для сверхурочных работ, повышение по службе. Гэлбрейт подчеркнул противопоставил концепцию технотрутуры неоклассической теории с ее предпосылкой первичности цен. Экономическая теория, по его мнению, превратилась в ширму, прикрывающую власть корпораций, искусственно оторвав теорию фирмы, отнесенную к микроэкономике, от проблем общего руководства экономикой, отнесенных к макроэкономике. «Однако такое разделение становится бессмысленным, если макроэкономическая политика отражает интересы современной корпорации, а это... имеет место»²⁴.

Категорию технотрутуры Гэлбрейт, впервые в 1959 г. и позднее еще не раз посетивший СССР, считал применимой и к плановой социалистической экономике. Несмотря на то что управленческая структура социалистических предприятий гораздо проще, чем структура западных корпораций, внутри советского предприятия существовала та же необходимость коллективного принятия реше-

ний на основе сведения воедино знаний и опыта многочисленных специалистов. Крупные промышленные комплексы навязывают свои требования организации производства в известной мере независимо от политики и идеологии. Будучи приверженцем курса разрядки и мирного сосуществования в политике, Гэлбрейт полагал, что общность природы крупных предприятий в капиталистической и социалистической экономике обуславливает тенденцию к конвергенции («схождению») двух экономических систем. Концепцию *конвергенции* Гэлбрейт противопоставил доктрине неизбежного конфликта между социалистическим и несоциалистическим мирами. Эта концепция получила распространение в 60—70-е годы среди сторонников разоружения и «демократического социализма», включая нобелевских лауреатов Я. Тинбергена, Л. Полинга, А. Сахарова.

²⁴ Там же. С. 52.

Рекомендуемая литература

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М., 1973.

Гэлбрейт Дж.К. Жизнь в наше время. М., 1986.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. Гл. II.

Хансен А. Экономические циклы и национальный доход. М., 1959. Раздел 3. Гл. XX. С. 155.

23 Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М., 1973.